

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Чжан Жуй

**Рассказы А.С. Грина 1900-х–1910-х годов:
типология героев, специфика поэтики**

Специальность 5.9.1 – Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2023

Диссертация подготовлена на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель:

Солнцева Наталья Михайловна,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Темиршина Олеся Равильевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры истории
журналистики и литературы
ОЧУ ВО «Московский университет
имени А.С. Грибоедова»

Соколов Борис Вадимович,
доктор филологических наук,
член Международного совета научных
проектов и издательских программ
Ассоциации исследователей российского
общества «АИРО-XXI»

Филатов Антон Владимирович,
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры теории литературы
филологического факультета ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»

Защита состоится «23» марта 2023 года в «16» часов на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус МГУ, филологический факультет.

E-mail: ruslitxx@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/059.2/2416> .

Автореферат разослан « _ » _____ 2023 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О. С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В ряду русских писателей первой половины XX в. А.С. Грин «стоит особняком»¹, «вне литературных направлений, течений, групп, кружков, цехов, манифестов»². Своеобразие прозы Грина выразилось как в смене эстетических приоритетов автора, так и в синтезе жизнеподобия и фантастического компонента. Его раннее творчество было ориентировано на традиции реализма, а также сочетало черты романтической поэтики и психологизма реалистической прозы; кроме того, его художественному методу свойственны повествовательные приемы модернизма. Современники воспринимали произведения Грина в контексте неоромантизма³.

Предмет исследования – специфика содержания рассказов Грина 1900-х–1910-х годов, решение в них вопросов о смыслах добра и зла, коммуникации героев со средой и микросредой. В диссертации выявляется изобразительный инструментарий, оптимально соответствующий творческим задачам писателя. **Объект** исследования – отвечающая реалистическим традициям художественная проза Грина. Вместе с тем рассматриваются рассказы, в которых появляется и наращивается романтическая специфика. **Материал** исследования составляет внушительный корпус рассказов 1900-х–1910-х годов, разнообразных по тематике, репрезентативных для выявления мировоззренческих и художественных приоритетов Грина. Например, «В Италию» (1906),

---

¹Шенгели Г.А. Первоклассный мастер // Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками: Автобиографическая проза. Воспоминания / Сост., предисл. В.Е. Ковского. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2012. С. 370.

²Варламов А.Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 9.

³С точки зрения С.А. Венгерова, неоромантизм характеризовался особой «литературной психологией» – порывом романтиков, активностью, вызовом «серому прозябанию», устремленностью «куда-то в высь, в даль, в глубь». Венгеров С.А. Статья первая. VI. Русский неоромантизм // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С.А. Венгерова / Послесл. А.Н. Николоюкина. М.: Республика, 2004. С. 17. О неоднородности неоромантизма: Луков В.А. Неоромантизм // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 309–312. И.В. Васильева рассматривает неоромантизм как культурную парадигму, повлиявшую на русский модернизм. Васильева И.В. Феномен неоромантизма в художественной культуре России XX века: дисс. ... канд. культуролог. наук. М., 2011. 190 с. Также: Царик Д.К. Типология неоромантизма. Киев: Штиинца, 1984. 167 с.; Яковлева Д.Е. Неоромантизм в контексте художественной и эстетической культуры XIX века // Эстетика как философия культуры / Отв. ред. К.М. Долгов. М.: ИФАН, 1990. С. 127–129.

«Заслуга рядового Пантелеева» (1906), «Слон и Моська» (1906), «Апельсины» (1907), «Кирпич и музыка» (1907), «Марат» (1907), «На досуге» (1907), «Случай» (1907), «Горбун» (1908), «Ерошка» (1908), «Капитан» (1908), «Лебедь» (1908), «Она» (1908), «Рука» (1908), «Трюм и палуба» (1908), «Воздушный корабль» (1909), «Дача Большого Озера» (1909), «Маленький заговор» (1909), «Маньяк» (1909), «Остров Рено» (1909), «Штурман “Четырех ветров”» (1909), «Дуэль» (1910), «История одного убийства» (1910), «Колония Ланфиер» (1910), «На острове» (1910), «Пролив бурь» (1910), «Рассказ Бирка» (1910), «Гостиница Вечерних Огней» (1912), «Зимняя сказка» (1912), «Приключения Гинча» (1912), «История Таурена» (1913), «Новый цирк» (1913), «Табу» (1913), «Желтый город» (1915), «Искатель приключений» (1915), «Вокруг света» (1916), «Отравленный остров» (1916), «Фантазеры» (1916), «Лабиринт» (1916), «Клубный арап» (1918) и др. Также привлечен материал, позволяющий определить источники мотивов произведений: «Автобиографическая повесть» (1932) Грина, воспоминания его современников. Среди прозы, составившей литературный контекст, анализируются произведения А. Куприна и М. Горького.

Актуальность работы обусловлена активным интересом современных писателей к эстетике как художественной условности, так и реализма, синтезу разнонаправленных изобразительных стратегий. Кроме того, взаимообусловленность эстетических тенденций, определение источников образов, преломление в художественном творчестве актуальных социальных и научных проблем – константные аспекты литературоведческих исследований.

Степень научной разработанности темы. За время освоения творческого наследия Грина решающее значение имело издание трех собраний его сочинений (1965, 1980, 1993–1997)⁴, снабженных комментариями В.С. Вих-

---

⁴Грин А.С. Собр. соч.: В 6 т. / Общ. ред., послесл. В. Россельса; вступ. ст. В. Вихрова. М.: Правда, 1965; Грин А.С. Собр. соч.: В 6 т. / Сост. В. Ковского, В. Россельса, Е. Прохорова; вступ. ст. В. Вихрова. М.: Правда, 1980; Грин А.С. Собр. соч.: В 5 т. / Сост. В. Россельса; предисл. В. Ковского;

рова, В.Е. Ковского, Ю.Е. Прохорова, А.А. Ревякиной, В. Россельса и др. Издания собраний мемуарных очерков «Воспоминания об Александре Грине» (1970), «Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками», 2012⁵, а также монография «Александр Грин» А.Н. Варламова (2010)⁶ являются фундаментальными материалами для исследования биографии Грина и его творческого пути. Получены значительные результаты, соответствующие следующим исследовательским направлениям: биографические характеристики писателя и их роль в творческом акте, эволюция творческого пути Грина, его социальные и этико-философские взгляды, разновидности жанров его прозы, соотношение его творчества с традициями как русской, так и западной литературы.

Устойчивый интерес у исследователей вызывает повествовательная манера писателя, ориентированная на романтическую традицию; в меньшей степени авторы научных работ обращаются к реалистическому типу изображения действительности, особенно проявившемуся в ранний период творчества. В ряде исследовательских работ, посвященных формированию и реализации романтической поэтики Грина, приоритетны и продуктивны следующие аспекты: общие принципы построения художественного мира Грина и свойства его романтического метода (Т.Е. Загвоздкина⁷, В.Е. Ковский⁸, Ю.Е. Прохоров⁹, А.А.

коммент. А. Ревякиной, Ю. Первой. М.: Худож. литература, 1991–1997. Далее тексты Грина цит. по изданию 1980 г., номера томов и страниц указаны в скобках.

⁵В первое издание сборника вошли мемуарные очерки тех, кто лично знал писателя, отрывки из воспоминаний супруг Грина; к авторским текстам были добавлены документальные материалы (Воспоминания об Александре Грине / Сост., вступ. ст., примеч. В. Сандлера. Л.: Лениздат, 1970); следующее издание (Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками: Автобиографическая проза. Воспоминания / Сост., предисл. В. Ковского. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2012) существенно дополнено.

⁶Варламов А.Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2005. 452 с.

⁷Труд Т.Е. Загвоздкиной сфокусирован на специфике поэтики, формирующей романтическую природу текстов Грина: Загвоздкина Т.Е. Особенности поэтики романов А.С. Грина: проблема жанра: дисс. ... канд. филол. наук. Вологда, 1985. 215 с.

⁸Ковский В.Е. Романтический мир Александра Грина. М.: Наука, 1969. 296 с.

Ковский В.Е. Александр Грин. Преображение действительности. Фрунзе: Илим, 1966. 126 с.

⁹Прохоров Е. И. Александр Грин. М.: Просвещение, 1970. 119 с.

Ревякина¹⁰, М.В. Саидова¹¹, В.И. Хрулев¹²); система персонажей (Э.А. Алиев¹³, Е.Н. Иваницкая¹⁴, Н.А. Кобзев¹⁵, В.Е. Ковский¹⁶); лингвопоэтические особенности (Т.Ю. Дикова¹⁷, В.А. Романенко¹⁸); мифопоэтика мотивов и образов (Т.Е. Загвоздкина, Е.Н. Ковун¹⁹, Е.А. Козлова²⁰, Н.Г. Медведева²¹, Г.И. Шевцова²²); соотношение слова и музыки, изобразительных видов искусства (О.Л. Максимова²³, Д.В. Кротова²⁴, М.И. Крюкова²⁵, Р.М. Ханинова²⁶) и др.

В работах В.Е. Ковского, Ю.Е. Прохорова указывается на своеобразие романтизма Грина, в частности говорится о романтизме с чертами реализма. В.Е. Ковский («Романтический мир Александра Грина», 1969) обратил внимание на то, что в мотивах и типах героев запечатлен автобиографический опыт

---

¹⁰Ревякина А.А. Некоторые проблемы романтизма XX века и вопросы искусства в послеоктябрьском творчестве Александра Грина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: 1970. 20 с.

¹¹Саидова М.В. Поэтика А.С. Грина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1976. 23 с.

¹²Хрулев В.И. Романтизм А.С. Грина в его развитии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1970. 11 с.

Хрулев В.И. Романтизм Александра Грина: (Эволюция и сущность): Учебное пособие. Уфа: Изд-е Башк. ун-та, 1994. 232 с.

¹³Алиев Э.А. Проблема героя в послеоктябрьском творчестве А.С. Грина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1968. 20 с.

¹⁴Иваницкая Е.Н. Мир и человек в творчестве А.С. Грина. Ростов-на-Дону: Рост. ун-т, 1993. 64 с.

¹⁵Кобзев Н.А. Ранняя проза А.С. Грина. Симферополь: Крымский архив, 1995. 71 с.

¹⁶Ковский В.Е. Творчество А.С. Грина (Концепция человека и действительности): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: 1967. 24 с.

¹⁷Дикова Т.Ю. Рассказы Александра Грина 1920-х годов: Поэтика оксюморона: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1996. 245 с.

¹⁸Романенко В.А. Лингвопоэтическая система сквозных символов в творчестве А.С. Грина: дисс. ... канд. филол. наук. Тирасполь, 1999. 241 с.

¹⁹Ковтун Е.Н. Типы и функции художественной условности в европейской литературе первой половины XX века: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2000. 304 с.

²⁰Козлова Е.А. Принципы художественного обобщения в прозе А.С. Грина: развитие символической образности: дисс. ... канд. филол. наук. Псков, 2004. 204 с.

²¹Медведева Н.Г. Мифологическая образность в романе А.С. Грина «Блистающий мир» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 1984. № 2. С. 24–30.

²²Шевцова Г.Н. Художественное воплощение идеи движения в творчестве А.С. Грина (мотивный аспект): дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2003. 165 с.

²³Максимова О.Л. Проза А. Грина: музыка в художественном сознании писателя: дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2004. 208 с.

²⁴Кротова Д.В. Синтез искусств в русской литературе конца XIX–первой трети XX века (А. Белый, З.Н. Гиппиус, А.С. Грин, М.М. Зощенко): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013. 168 с.; Кротова Д.В. Синтез искусств в русской литературе конца XIX–первой трети XX века (А. Белый, З.Н. Гиппиус, А.С. Грин, М.М. Зощенко). М.: Директ-Медиа, 2022. 160 с.

²⁵Крюкова М.И. Экфрастический тезаурус в прозе А.С. Грина: дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2018. 240 с.

²⁶Ханинова Р.М. Сновидческая философия и экфрасис в малой прозе Александра Грина // Антропологическая поэтика русской повести и рассказа 1900–1930-х гг. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2013. С. 135–153.

писателя. В монографии Н.А. Кобзева «Ранняя проза А.С. Грина» (1995) рассматривается эволюция эстетических приоритетов писателя от реализма к романтизму. При этом основное внимание уделено романтической природе произведений Грина.

По сравнению с многоаспектным изучением особенностей романтической прозы Грина его реалистические произведения, а также рассказы, для которых характерен синтез реалистических и романтических черт, остаются на периферии научных интересов. Вместе с тем уже в статьях 1910-х–1930-х годов²⁷ было отмечено, что в целом художественный мир Грина отличен и от традиционного реализма, и от романтизма, оговаривалось, что изображенные Грином обстоятельства полуреальны и полуфантастичны.

Реалистическая повествовательная манера Грина 1900-х–1910-х годов заслуживает специального исследования. Кроме того, следует признать недостаточную изученность поэтики его малой прозы. *Новизна* диссертационного сочинения заключается в подходе к его ранним произведениям, во-первых, как к школе освоения традиционного повествовательного стиля и, во-вторых, как к формированию индивидуального повествовательного опыта. В диссертации уже рассказы 1900-х годов рассматриваются как проявление идиостиля и специфичный нарратив, синтезирующий социальную типологию персонажей и черты романтического героя, опирающийся на особенности модернистского и реалистического вариантов художественного психологизма. Сделан акцент на поэтике пейзажей, портретов, роли акустических образов.

---

²⁷А. Горнфельд увидел в «своеобычной реалистичности эстетического мира» Грина-романтика проявление общечеловеческого содержания жизни (*Горнфельд А.* Новые книги: А.С. Грин. Рассказы // Русское богатство. 1910. №3. С. 145). Л. Войтоловский указал на близость романтизма Грина романтизму Горького (*Войтоловский Л.* Литературные силуэты. А.С. Грин // Киевская мысль. 1910. 24 июня). К. Локс писал об умении Грина «видеть мир и художественно осмыслить его по законам своей творческой воли», делал акцент на его языке – «напряженной, хорошо построенной фразе, отчетливой выпуклой лексике, иногда не лишенной романтических прикрас» (*Локс К.* А.С. Грин // 30 дней. 1933, №7. С. 68–69). А. Роскин считал, что мир Грина – не только «романтическая архаика», но и «условная литературность», поскольку художник «подходит к явлениям жизни только как к преломляемому через чисто литературные категории “материалу”» (*Роскин А.* Судьба писателя-фабулиста // Худож. литература. 1935. №4. С. 6, 8).

Цель исследования заключается в анализе специфики содержания и поэтики рассказов Грина 1900-х–1910-х годов, что определяет следующие **задачи**:

1. Выявить черты реализма и романтизма малой прозы Грина 1900-х–1910-х годов.

2. Систематизировать типологию героев реалистических рассказов Грина. Проследить эволюцию образа революционера в рассказах 1906–1912 годов, описать авторскую интерпретацию психологии обывателей, сопоставить решение темы солдатчины и изображение личности солдата в армейской прозе Грина и Куприна. Охарактеризовать героев романтического типа.

3. Провести герменевтический анализ текстов, в которых проявились принципы изображения психологии героев.

4. Выявить средства создания пейзажей в рассказах с романтической спецификой.

5. Рассмотреть особенности вербального портрета в реалистических и романтических рассказах.

6. Проанализировать средства создания акустических образов, определить их повествовательные функции.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В большинстве рассказов Грин решает вопрос о сути зла – бессознательного, рефлексивного, сознательного (идеологического, имманентного). Ответственность за зло Грин возлагает не на социум, не на высшие силы, а на личность.

2. Для рассказов Грина 1900-х–1910-х годов характерны принципы реалистического повествования – жизнеподобие, исторический и психологический детерминизм, социальные, профессиональные характеристики персонажей, сюжеты строятся на каузальных связях. Со временем социальный портрет героя минимизируется, тогда как внимание фокусируется на его внутреннем мире.

3. В 1900-е–1910-е годы актуальность получают написанные на автобио-

графическом материале рассказы об эсерах и солдатах, в которых этико-психологический фактор представлен как проявление самосознания героя. Дифференцированы психологические типы персонажей. Если в дегероизированных Гринем революционерах раскрыта тема несовместимости идеологии боевых организаций и живой жизни, то в армейской прозе Грина развита тема сопротивления несправедливого солдата моральному и физическому унижению, что отличает проблематику его рассказов от армейской прозы Куприна.

4. Дефиниции «обыватель» Грин придает двойной смысл. Во-первых, описана повседневность городских, сельских мирных жителей, освещены межличностные отношения, столкновения индивидуальных ценностей с внешним миром; во-вторых, показана обывательщина человека с косным сознанием, что созвучно точке зрения Н. Бердяева, Р. Иванова-Разумника, П. Сорокина на обывателя. В целом писатель сосредоточен на чертах характера – от кротости до аффекта («Кирпич и музыка», «Случай», «Горбун», «Ерошка», «Лебедь» и др.)

5. С 1908 г. в рассказах Грина появляются герои романтического типа, наделенные сильной страстью, индивидуализмом, полярностью сознания и поступков, что обуславливает повествовательный принцип двоемирия. В изображении романтического героя («Маньяк», «Дуэль», «История Таурена», «Клубный арап», «Лабиринт» и др.) повторяющаяся черта – его поведенческие особенности в чрезвычайных обстоятельствах. В рассказах с романтическим героем проявилась специфика приключенческого жанра. В ряде рассказов романтические черты объединены с реалистической мотивацией событий («Желтый город», «Отравленный остров», «Фантазеры» и др.). В эти же годы написаны рассказы с фантастическим компонентом.

6. Освоение навыка психологического анализа начинается с первых рассказов. Гринем применены такие средства традиционной психологической прозы, как самоанализ, раздвоенность, рефлексия, внутренний монолог, авторские комментарии и др. Изображение перцепции героя соответствует поэтике

феноменологической прозы («Рука»). В повествование привнесены модернистские принципы психологического анализа, построенного на описании трансформации пространства, деформации сознания – диссоциации и галлюцинации, в целом на поэтике метаморфоз («Рассказ Брика»).

7. Степень художественной выразительности достигается как визуальными, так и акустическими образами. Для создания социальной репутации и изображения экзистенциального состояния персонажей Грин активно использует пейзажную, портретную, звуковую образность, детали зрительных, слуховых, тактильных восприятий.

Теоретическую и методологическую основу составляют труды литературоведов, определивших принципы текстуального анализа: М.М. Бахтина, В.В. Вейдле, А.Н. Веселовского, А.З. Вулиса, Л.Я. Гинзбург, А.Б. Есина, В.М. Жирмунского, Ю.М. Лотмана, Н. Д. Тмарченко, Е. Фарино, Р.О. Якобсона, а также теоретические работы Е.И. Замятина. Значимыми являются посвященные творчеству Грина и в целом русской литературе первой трети XX в. научные работы А.Н. Варламова, М.М. Голубкова, В.А. Келдыша, Н.А. Кобзева, В.Е. Ковского, Л.А. Колобаевой, М.В. Михайловой, И.Б. Ничипорова, Ю.Е. Прохорова, А.А. Ревякиной, Е.Б. Скороспеловой, В.В. Харчева, В.И. Хрулева и др. В диссертации использованы труды по философии, психоанализу, социологии Н.А. Бердяева, Л.С. Выготского, У. Джеймса, Р.В. Иванова-Разумника, Н.О. Лосского, Л. Свендсена, П.А. Сорокина, З. Фрейда и др. В работе применены герменевтический, сравнительно-исторический, культурно-исторический методы исследования.

Теоретическая и научно-практическая значимость работы определяется выявлением типологии героев ранней прозы Грина, анализом реалистической и романтической специфики повествования, систематизацией психологического анализа, пейзажной и портретной образности, звукообразов. Материалы и результаты исследования могут быть использованы в общих и специальных лекционных курсах, при проведении семинарских занятий по истории русской литературы XX в.

Достоверность и обоснованность исследования обусловлены герменевтическим и сопоставительным подходом к большому корпусу текстов, обращением к биографическому и литературному контексту, учетом положений и выводов научных трудов теоретического и историко-литературного характера.

Апробация работы. По теме диссертационного исследования опубликовано пять статей, из них четыре статьи – в научных рецензируемых журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова. На научных конференциях прочитано пять докладов: 1) «Ономастопея в рассказах А. Грина “Случай” и “Кирпич и музыка”» (XXVII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» МГУ им. М.В. Ломоносова, 20 ноября 2020); 2) «Рассказы А. Грина: Солдатчина в этико-психологическом освещении» (Русская литература XX–XXI веков как единый процесс «Проблемы теории и методологии изучения», МГУ имени М.В. Ломоносова, 17–19 декабря 2020); 3) «Принципы психологизма в ранних рассказах А. Грина» (XXVIII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов», МГУ им. М.В. Ломоносова, 16 апреля, 2021); 4). «Поэтика пейзажа в ранних рассказах А. Грина» (X Международная научно-практическая конференция молодых ученых «LITTEA TERRA: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы», Екатеринбург, 3 декабря 2021); 5) «Эволюция поэтики портрета в ранней прозе А. Грина» (XI Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «LITTEA TERRA: Проблемы поэтики русской и зарубежной литературы», Екатеринбург, 2 декабря 2022).

В ходе научно-методического семинара «Языковой аспект интеграции и самоидентификации в современном мире» (РУДН, Москва, 21 декабря 2022) по теме диссертации прочитан доклад «Проведение литературного урока на русском языке для студентов-иностранцев (На примере рассказа А. Грина “Рука”»).

Диссертация прошла апробацию при защите НКР по теме «Рассказы А.С. Грина 1900-х–1910-х годов: типология героев, специфика поэтики» на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (1 сентября 2022).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей 258 позиций. **Общий объем** диссертационной работы составил 203 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** дана краткая характеристика творчества Грина, обоснована актуальность исследования, выявлена степень изученности темы. Обозначены предмет, объект, материал исследования. Определены цели, задачи, научная новизна. Сформулированы основные положения, выносимые на защиту. Названы теоретико-методологические подходы, представлены сведения об апробации, теоретической и практической значимости, структуре диссертации.

В первой главе **«Проза А. Грина 1900-х–1910-х годов: типология героев»** описаны взгляды писателя на отношения, сложившиеся между человеком и социумом, представлены константные темы рассказов, типология персонажей, выявлены источники ряда мотивов.

В параграфе 1.1. **«Общая характеристика ранних рассказов А. Грина»** обозначены особенности реалистического нарратива в произведениях писателя. Его творческий интерес был направлен на типизацию персонажей, следование принципам жизнеподобия, исторического, социального, а также психологического детерминизма. Главная тема большинства рассказов – человек как таковой, место в его жизни бессознательного («Кирпич и музыка» и др.), сознательного («Марат», «Лебедь» и др.), социального («Случай», «История одного убийства» и др.) зла. Грин не искал причин зла исключительно в социуме, не поднимал вопросов о теодицее и тяжбе твари с Творцом, не придавал

мотивам греха религиозно-философского смысла; согласно его точке зрения, зло – результат разрушительной воли человека.

Уже в прозе 1900-х годов события выстраивались вокруг героя-максималиста, героя-индивидуалиста («Она»; «Остров Рено»; «Циклон в Равнине Дождей», 1909; «Колония Ланфиер»; «Пролив бурь»; «Рассказ Бирка» и др.). Ряду рассказов свойственны неявная авторская мотивация поступков, поэтика недоговоренности, исключительность и неоднозначность обстоятельств, приключенческий сюжет, что отвечает романтической повествовательной традиции. В 1910-е годы Грин создал произведения, в которых романтический нарратив усилен ирреальными элементами («Рассказ Бирка»; «Происшествие в квартире г-жи Сериз», 1914; «Загадка непредвиденной смерти», 1915; «Убийство в рыбной лавке», 1915 и др.). Если в ранних реалистических рассказах изображена личность в условиях узнаваемой повседневности, то в романтических рассказах очевидно стремление писателя представить человека в непознанном, многообразном, многомерном мире.

В параграфе 1.2. *«Основные темы и литературные типы»* анализируются три группы персонажей, наиболее часто встречающихся в ранней реалистической прозе Грина, выражающих гуманистические взгляды писателя и актуальных для состояния российского общества 1900-х–начала 1910-х годов, – это революционеры, обыватели, солдаты. Также рассмотрена специфика романтических героев.

В подпараграфе 1.2.1. *«Персонажи-эсеры: революционная идея и живая жизнь»* выделены психотипы террористов: одержимый идеей боевик-бомбист, ликвидатор («В Италию», «Марат», «Третий этаж», 1908; «Маленький заговор», 1909), усомнившийся в смысле борьбы («Апельсины», «На досуге», «Зимняя сказка»), предатель-приспособленец и циник («Приключения Гинча», «Рассказ о странной судьбе», 1912; «Ксения Турпанова», 1912). Предположительно основой для ряда сюжетных ситуаций послужили факты биографии писателя. Расставшийся с группой боевиков Грин не героизировал эсеров, про-

тивопоставил идее террора, самопожертвованию революционеров идею полноты бытия, естественное желание жить, что отличает названные рассказы от таких произведений М. Горького, как «Песня о Соколе» (1895), «Тюрьма» (1904), «Песня о Буревестнике» (1905).

В подпараграфе 1.2.2. *«Персонажи-обыватели: коммуникация с внешним миром»* Грин изобразил обывателя, во-первых, как мирного жителя, сосредоточенного исключительно на личной, семейной жизни, и, во-вторых, как выразителя обывательщины, что соответствует критическому взгляду на это явление в работах философов и социологов (Н. Бердяев. «Проблема человека: К построению христианской антропологии», 1936; Р.В. Иванов-Разумник. «История русской общественной мысли», 1906; П. Сорокин. «Заметки социолога. Об обывателе и обывательщине», 1917). Главные темы рассказов об обывателях – драматическая межличностная коммуникация, трагедия простого человека, обусловленная общественно-политической необходимостью. Грин изобразил три типа героев-обывателей: крестьянин как жертва социальной ситуации («Случай», «Ерошка»); разрушитель мирной жизни (приисковый рабочий из рассказа «Кирпич и музыка», голодный мужик Геннадий из рассказа «Малинник Якобсона» (1910), лавочник Сидор Иванович из рассказа «Лебедь»); неудачник в коммуникации с местным обществом (купец Гарт из рассказа «Горбун»). В прозе об обывателях особо проявился интерес Грина к глубинам психики, бессознательному в поведении человека из низов, его душевным травмам, эффекту вытеснения негативных ощущений как защитного механизма и, напротив, нарастающую психическую агрессию.

В подпараграфе 1.2.3. *«Солдатчина как этико-психологический фактор в армейской прозе А. Грина и А. Куприна»* высказано и обосновано предположение о том, что импульсом к написанию Грином рассказов «Заслуга рядового Пантелеева», «Слон и Моська», «История одного убийства»²⁸

---

²⁸Военная тема развернута в рассказах Грина 1910-х годов о Первой мировой войне: «Эпизод взятия форта “Циклоп”» (1914), «Забытое» (1914), «Ужасное зрение» (1915), «Бой на штыках» (1915), «Баталист Шуан» (1915), «Тайна лунной ночи» (1915). В них участие в войне осмыслено как экзистенциальная трагедия.

послужила армейская проза Куприна («Дознание», 1894; «Ночная смена», 1899; «Поединок», 1905). В основу произведений обоих авторов положен личный опыт. Сходны гуманистические позиции в описании драматической судьбы солдата и его травмированной психики, критическое отношение к подавлению его индивидуальности воинским начальством. Однако Куприн представляет солдата как бессловесную жертву своеволия офицера, изображает его деперсонализацию, тогда как Грин развивает тему возмездия солдата за перенесенное унижение; индивидуальность его героя доминирует над состоянием деперсонализации, что соответствовало настроениям самого автора²⁹. Пафос жалости к солдату Куприн усиливает за счет мотива сочувствия ему молодого офицера-протагониста; в рассказах Грина авторский двойник отсутствует. В прозе Грина проявление потребности мелкого чина унижить солдата объясняется состоянием скуки. В армейской прозе Грина социальная проблематика синтезирована с психологической (в частности с изображением явлений страха, скуки, искаженных форм самозащиты). Верность точки зрения Грина на психологические мотивы поведения персонажей подтверждается выводами психологов – как современников писателя, так и позднего времени³⁰.

Подпараграф 1.2.4. «Романтический герой в рассказах 1900-х–1910-х годов» посвящен характеристике рассказов с романтической направленностью. В ранних реалистических произведениях Грина невозможность компромисса и неизбежность конфликта между желаемым и действительным интерпретированы как результат поиска путей преодоления скуки. В

---

²⁹ Грин начал службу в армии в 1902 г. солдатом резервного пехотного батальона, через шесть месяцев дезертировал, был пойман и вновь дезертировал. Грин писал, что его «служба прошла под знаком непрерывного и неистового бунта против насилия». *Грин А.С. Тюремная старина // Грин А.С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3 С. 636.*

³⁰ Например, содержанию рассказов созвучен вывод Л. Свендсена о скуке как показателе душевной нищеты (*Свендсен Л. Философия скуки / Пер. с норв. К. Мурадян. М.: Прогресс – Традиция, 2003. 256 с.*). Страх солдата интерпретирован Грином как травматический фактор, выраженный в соответствующей биологической реакции (*Ильин Е.П. Психология страха. СПб.: Питер, 2017. 261 с.*) и психологической беспомощности (*Фрейд З. Хрестоматия: В 3 т. Т. 1. Основные понятия, теории и методы психоанализа / Пер. с нем. А.М. Боковикова. М.: Когито-Центр, 2016. С. 407–491*), но и как грубая форма эмоции, побуждающая к критичным проявлениям самости (*Джеймс У. Психология / Под ред. Л.А. Петровской. М.: Педагогика, 1991. 368 с.*)

романтических сюжетах значим мотив бегства от несовершенной реальности («мир совершенен как замысел – мир несовершенен как воплощение», «от унылого “ЗДЕСЬ” к прекрасному “ТАМ”»³¹). Принцип двоимирия («условной модели романтической вселенной»³², «базового принципа эстетической системы романтизма»³³) значим как в изображении эмоционального состояния героя, так и в пространственной специфике. Принцип двоимирия нашел отражение в полярности сознания героев. Например, в Тарте («Остров Рено») изображено внутреннее соперничество человечности и жестокости. Глубины раздвоенного внутреннего мира раскрыты через психологический анализ в «Рассказе Бирка»; в «Гостинице Вечерних Огней» динамично показана трансформация одной физическо-психологической реакции в противоположную ей. Дуальность пространства проявляется в антитезах российской и зарубежной территорий («Она»), реального места и вымышленного (Зурбаган в рассказах «Лужа бородатой свиньи», 1912; «Зурбаганский стрелок», 1913; «Капитан Дюк», 1915 и др.), природы и города («Гостиница Вечерних Огней»), моря и леса («Остров Рено»), замкнутости и открытости («Пролив бурь»), верхнего и нижнего уровней («Трюм и палуба»). Естественное, открытое, верхнее пространство, как правило, близко идеальному. Через сочетание действительного пространства и магического (например, в «Происшествии в квартире г-жи Сериз») или мифологизированного душевного состояния героя (например, сны Тарта в

---

³¹ Фёдоров А.В. Романтизм // Введение в литературоведение / Под ред. Л.М. Крупчанова. 3-е изд., испр. М.: Юрайт, 2013. С. 361–362.

³² Фёдоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1988. С. 280.

³³ Таверина А.М. Типология героев в русской романтической повести 20–40-х годов XIX века: дисс. ... канд. филол. наук. Вологда, 2016. С. 10. Так же: Ванслов В.В. Эстетика романтизма. М.: Искусство, 1966. 403 с.; Волков И.Ф. Основные проблемы изучения романтизма // К истории русского романтизма / Ред. кол.: Ю.В. Манн, И.Г. Неупокоева, У.Р. Фохт. М.: Наука, 1973. С. 5–36.; Поспелов Г.Н. Может ли быть романтизм без романтики? // Вопросы литературы. 1964. № 9. С. 111–118.; Севастьянова В.С. Архетипика романтического двоимирия в поэтике русского символизма: дисс. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2004. 180 с.; Храповицкая Г.Н. Двоимирие и символ в романтизме и символизме // Филологические науки. 1999. № 3. С. 35–41.

«Острове Рено») реалистические повествовательные специфики сочетаются с романтическими³⁴.

В ранних рассказах Грина изображены персонажи с романтическими чертами (страстные игроки, максималисты, отстаивающие у судьбы свою жизнь, индивидуалисты, бунтари, разочарованные одиночки и др.) По образу жизни их можно разделить на две группы: мечтатели и странствующие (матросы, участники экспедиций, путешественники и т.п.) К приключенческому жанру относятся рассказы «Остров Рено», «Колония Ланфиер», «Пролив бурь», «Ящик с мылом» (1910), «Табу», «Вокруг света», «Нож и карандаш» (1918), «Сила непостижимого» (1918), в которых сюжет строится на ситуациях «вдруг», гиперболе, перипетиях, испытаниях персонажей, аванюре и т.д. Особое место занимают рассказы, связанные с изображением моря и образами матросов. Для рассказов «Происшествие в квартире г-жи Сериз», «Клубный арап», «Убийство в рыбной лавке» характерна магическая мотивировка событий. В ряде рассказов романтические черты (например, нарушающая жизнеподобие гиперболизация) синтезированы с реалистической мотивацией событий («Желтый город», «Отравленный остров», «Фантазеры», «Лабиринт» и др.).

Во второй главе **«Принципы психологизма в ранних рассказах А. Грина»** обозначены доминанты психологизма, рассмотрены художественные подходы писателя к изображению внутреннего мира героев.

В параграфе 2.1. **«Общая характеристика»** определено своеобразие психологизма в малой прозе Грина. Наиболее репрезентативны произведения «Рука» и «Рассказ Бирка», в которых применены разные методы создания психологического портрета. Грин, осваивая специфику реалистического изображения человека, активно прибегал как к пушкинской, так и лермонтовской стратегии³⁵ описания психологических состояний.

---

³⁴Ткачёва Р.А. Художественное пространство как основа интерпретации художественного мира: дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. С. 161.

³⁵Как пишет М.Б. Храпченко, А.С. Пушкин изображал внутренний мир героев через их поступки, в целом через сюжет, тогда как в психологической прозе М.Ю. Лермонтова определяющим является раскрытие процесса мышления и переживания персонажей. Храпченко М.Б. Лев Толстой как художник. 4-е изд. М.: Худож. литература, 1978. 581 с.

В «Руке» эмоциональные состояния героя характеризуются через описание непосредственных восприятий увиденного им, что созвучно психологизму феноменологической прозы³⁶. В «Рассказе Бирка» показательна стратегия самоанализа, рефлексии, внутренних монологов; в основу положены аффекты и необъяснимое происшествие; применены методы, особенно свойственные модернистской прозе (трансформация пространства, диссоциация героя, автономность сознания и др.).

Параграф 2.2. *«Поэтика восприятия в психологическом методе А. Грина»* посвящен анализу перцепции героя рассказа «Рука», направленной на незначительную деталь (неловкое положение руки спящей попутчицы). Грин применяет приемы экстерииоризации (перехода эмоциональных импульсов в поступок³⁷) и интериоризации («межличностные отношения преобразуются во внутриличностные», переживаются «на внутриспсихическом уровне»³⁸). Выразительность достигается за счет сгущения разнотипных деталей, лексических повторов, тактильных ощущений, изображения промежуточных и противоположных эмоциональных состояний, авторского комментария (в том числе метаязыкового высказывания³⁹) – уточнения нюансов, коротких пояснений, попутных замечаний, различающих авторскую речь и поток сознания героя.

В параграфе 2.3. *«Сознание как предмет изображения»* анализируются диссоциативные расстройства героя-меланхолика из «Рассказа Бирка», его со-

---

³⁶Основополагающей стратегией в феноменологии художественного текста мы считаем интенцию (непосредственную направленность сознания, созерцания на нечто; восприятие через интуицию), эпохэ, или эпохэ (восприятие чего-либо неаналитично, вне устоявшихся объективных характеристик), феноменологическую редукцию (освобождение воспринимающего сознания от натуралистических и прочих подробностей). Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2001. 315 с.; Гуссерль Э. Идея феноменологии: Пять лекций / Вступ. ст., коммент. И.И. Мавринского. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. 224 с.

³⁷Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М.: АПН, 1960. 130 с.; Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 4-е изд. 584 с.

³⁸Лапplани Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу / Пер. с франц. Н.С. Автономовой. С. 170, 171.

³⁹Кравцова Т.А. О некоторых типах метаязыкового комментария (на материале художественных текстов) // Филология и человек. 2012. №2. С. 129–135; Сальман Е.А. Авторская рефлексия как знак освоения новых явлений в лексике (на материале публицистики М.А. Булгакова 1920-х годов) // Вестник СПбГУ. 2009. №.4. С. 133–139.

стояния дереализации и деперсонализации, проявляющиеся в искажениях пространственно-временных, звуковых, сенсорных, мнемических, визуальных, материализации подсознательных представлений. Рассказ выстраивается на чрезвычайных обстоятельствах и алогичных поступках, череде душевных импульсов, конфликте желаний и поступков, приемах двойника и воображаемой реальности. В рассказе изображены два типа сознания – адекватного и патологического. Психиатрическая мотивация событий позволяет сделать вывод о квазифантастичности сюжета.

Специфика психологического анализа, сформированного в «Рассказе Бирка», далее применена в произведениях «Загадка предвиденной смерти» (1914), «Путь» (1915), «Возвращенный ад» (1915), «Ночью и днем» (1915), «Отравленный остров», «Канат» (1922), «Крысолов» (1924), «Серый автомобиль» (1925), «Фанданго» (1927) и др. В подобных рассказах Грин использует модернистский опыт психоанализа: герои пребывают в экстремальных обстоятельствах и болезненных состояниях⁴⁰; значимы «символично-мифологические» детали, «прерывистость внутренней жизни человека, внезапность подстерегающих его неожиданных и резких сдвигов»⁴¹, не дифференцированные действительность и воображение; вместе с тем свою роль играют такие черты романтизма, как желание невозможного («Романтизм привык хотеть невозможного, стремиться к недостижимому»⁴²), метафизические ситуации, сверхчувственные возможности и др.

---

⁴⁰Амнезия («Возвращенный ад»); почти клинический случай депрессии (главка «Вечер» в «Наследии Пик-Мика»; двойная ориентировка («Рассказ Бирка»); делирий со зрительными галлюцинациями и бредом преследования («Серый автомобиль»); онейроидное расстройство сознания («Путь»); мания величия («Канат»); «сумеречное состояние» с агрессивным поведением и амнезией («Ночью и днем»)). *Ковский В.Е.* Блистающий мир Александра Грина // Грин А.С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. С. 27. О знакомстве Грина с психиатрическими диагнозами также: *Ковский В.Е.* Настоящая внутренняя жизнь (Психологический романтизм Александра Грина) // Ковский В.Е. Реалисты и романтики: Из творческого опыта русской советской классики. М.: Худож. литература, 1990. С. 239–328.

⁴¹ *Колобаева Л.А.* «Никакой психологии», или Фантастика психологии? (О перспективах психологизма в русской литературе нашего века) // Вопросы литературы. 1999. № 2. С. 11, 14.

⁴²Там же. С. 28.

В третьей главе «Поэтика ранних рассказов А. Грина: звуковая и визуальная образность» анализируются специфика и роль акустической, пейзажной, портретной образности в описании характеров, создании социальной репутации персонажей, решении экзистенциальных проблем.

В параграфе 3.1. «Акустические образы, их смысловая и композиционная роль» на примере рассказов «Случай», «Кирпич и музыка» и других проанализированы звукообразы. Для достижения звуковой полифонии в изображении пейзажей (шум дождя, леса, ветра, ржание и топот лошадей и др.) и эмоциональных состояний героев («Сердце ударило тяжело, звонко, и от этого зазвенела тишина, готовая крикнуть» и др. I, 119), а также в сюжетосложении значимы такие средства, как сочетание глухого звучания с выразительным («хлопали» – «писк» и др.), повтор очередности звуков («слабый писк сонной птицы» и др. I, 79), звуковое сгущение (например, шипящих: «нащупал в кармане бумажку, сложенную вчетверо». I, 78), повтор фонетически и семантически родственных слов («водяные», «водной», «воды»), указание на степень интенсивности звучания («слабый», «легкий», «осторожный», «монотонно») (I, 79), вариативность диалоговых реплик. Грин располагает ряд эпизодов по принципу противопоставления благозвучия и диссонанса. Особое место в повествовании отведено мотивам тишины и музыки. Активно использована лексика с акустической семантикой.

«Ономатопоэтический потенциал»⁴³ звуков порождает ассоциации («одинокое существо монотонно гудело, и его глухое “гу-у!”, “гу-у” выло, как ветер в трубе». I, 79). Значение ономатопеи заключается в смыслоподражании и звукоподражании⁴⁴. Если Е. Замятин рассматривал звукоподражание как важный элемент инструментовки прозы⁴⁵, то А. Белый видел «в предприимчивой гибкости отыскания соответствий между звуком и мыслью –

---

⁴³Якобсон Р. Звук и значение // Якобсон Р. Избранные работы / Сост., общ. ред. В.А. Звегинцева; предисл. Вяч. Вс. Иванова. М.: Прогресс, 1985. С. 31.

⁴⁴Вейдле В. Царь Оксиморон и царица Ономатопея // Вейдле В. Эмбриология поэзии / Сост., коммент. В.В. Сапова. М.: LVS, 2001. С. 39.

⁴⁵Замятин Е.И. Инструментовка // Замятин Е. Техника художественной прозы. М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 128–139.

умение чтения нового слова в изношенном слове»⁴⁶. Просодические цели достигаются за счет аллитераций (на «с» «слабый писк сонной», «сосен, стряхивал с»; на «ш» «шурша, падали шишки, вздыхая, шумел лес» и др. I, 79, 115), ямбических («отыскивая тайные пружины», «И снова мысль упала в прошлое» и др. I, 80, 83), хореических («Темные фигуры отошли на несколько шагов» и др. I, 83) фраз.

В параграфе 3.2. *«Роль и специфика пейзажей»* выявлены содержательные значения и изобразительные приемы пейзажа. В подпараграфе 3.2.1. *«Общая характеристика пейзажей»* рассмотрена роль пейзажей в сюжетах, описании психики и миропонимания героев. В изображении картин и деталей природы Грин выразил мысль о том, что люди – «неотделимые ее частички» и это придает им «бесценную радость существования»⁴⁷, тогда как город воспитывает человека для насилия.

В прозе Грина выделяются два типа пейзажа – с преобладанием описаний природы как таковой и с ориентацией на ментальность героя. К первому типу принадлежат такие реалистические рассказы, как «В Италию», «Кирпич и музыка», «Марат», «Случай», «Лебедь», «Окно в лесу» (1909) и др.; в них пейзаж целенаправленно отражает узнаваемую реальность. В прозе конца 1900-х– начала 1910-х годов, например в рассказах «Капитан», «Она», «Трюм и палуба», «Остров Рено», «Колония Ланфиер», «Пролив бурь», «В снегу» (1910), «Жизнь Гнора» (1912), «Трагедия плоскогорья Суан» (1912) и других, повествование сфокусировано на восприятиях (осозательных, зрительных, слуховых, обонятельных) героем природы; Грин использует метафорический перенос состояния человека на состояние природы.

Написанные уже в 1907 г. и 1908 г. рассказы демонстрируют стремление Грина обогатить изображение природы за счет тропов, полихромии, приема отраженного света. В прозе конца 1900-х–начала 1910-х гг. значительную роль играют своеобразные, редкие, единственные в своем роде картины природы –

---

⁴⁶Белый А. Жезл Аарона (О слове в поэзии) // Скифы. 1917. Сб. 1. С. 171.

⁴⁷Вержбицкий Н. Светлая душа // Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками. С. 254.

оптимальное пространство для героя-романтика; детали природы всё более «коммуницируют» с воображением и чувствами персонажей («цветы кружили голову смешанным ароматом», «утомляли зрение, дразнили и восхищали»; лесная глушь «хлестала», «резала», «ушибала» героя, ноги «проваливались в пышном ковре», «он схватывал влажные стебли, паразитов, хрупкую клетчатку листьев, мелкие гнущиеся колючки» и др. I, 218, 220).

В подпараграфе 3.2.2. «*Роль поэтики пейзажа в проблематике произведения (“Остров Рено”)*» определена многофункциональность образов природы (лес, океан, красный полудиск солнца на горизонте, Южный Крест, водопад и др.). Пейзаж имеет прямое отношение к развитию тем онтологической и социальной свободы человека, границ индивидуальной воли, ментальности персонажа в целом. Во-первых, символическое и прямое содержание пейзажных картин – детерминант в создании героя романтического склада (матроса-дезертира, высадившегося на берег острова), изображении психологического пространства. Во-вторых, использован принцип полисенсорности⁴⁸ при описании противоречивых психологических состояний героя и вариативности состояний природы. В-третьих, мифогенность образов природы использована Грином для описания сновидения, представления о рае или об inferнальном зле. Смысл пейзажных описаний усилен лексикой феноменологического ряда («казалось» и др.), синестезией («сочных узоров», «живая тишина света» и др. I, 218, 220), тактильными и обонятельными деталями, гиперболами, сравнениями, метафорами, поэтикой цвета и света.

Подпараграф 3.2.3. «*Типы пейзажей*» («*Колония Ланфиер*») посвящен специфике пейзажей в рассказе «Колония Ланфиер», отмеченном чертами романтизма. Выявляются два типа отношения человека к природе: «субъект – объект» и «субъект – субъект»⁴⁹.

---

⁴⁸Ляпина Л. Сенсорная поэтика в русской литературе XIX века. Опыты изучения. СПб.: Palmarium Academic Publishing, 2014. С. 147.

⁴⁹Байбородов А.Ю. Природа в аспекте коэзистенциального общения // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 10 (66). 2008. С. 144.

В первом случае природа представлена как мир-объект, в котором существует человек-субъект, обозначено его жилище, животные, вещи и другие объекты. Даны панорамный и локальный пейзажи, сфокусировано внимание на выразительных деталях, рукотворных и естественных объектах, геометрических формах пейзажа (линиях дорог или горизонта, поверхности леса или океана), сочетании статичности с динамичностью природы, крупных планах с перспективой. В частности, образы животных (зверей) – зооморфный компонент мира природы, который важен в передаче внутренних состояний героя. Многообразен художественный инструментарий (параллелизмы, сравнения, аллюзии, антропоморфные метафоры, антитезы, гиперболы, полихромия, синестезия и др.), используемый для воссоздания бытия природы и бытия человека, его зрительных, слуховых, тактильных восприятий.

Во втором типе отношений очеловеченной природе приданы свойства субъекта, она осмыслена как партнер в общении с человеком⁵⁰. Обозначим два свойства коммуникации природы и человека: 1. В отношениях «субъект – субъект» природа как сильный субъект доминирует над человеком. Например, природа отсылает героя к определенным действиям («освеженный холодным воздухом, он долго рассматривал звездный атлас неба и Южный Крест». I. 321; фактор золота, намытого героем, выявляет пределы физических и психических возможностей человека, оно же спасает героя от преследователей); природа побуждает пережить то или иное чувство (страдание, тоску, отчаяние и др.); 2. Антропоморфное изображение природы наделено функцией компенсации события (например, вместо рассказа героя о своем прошлом Грин вводит в эпизод описание неба).

В параграфе 3.3. «*Особенности вербального портрета*» рассмотрен портрет, прямо отражающий отношение Грина к персонажам и являющийся лексико-семантическим полем, характеризующим его индивидуальный стиль. Проанализирована техника описания портрета.

---

⁵⁰Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. С. 250, 225–229.

В подпараграфе 3.3.1. «*Общая характеристика словесного портрета в рассказах А. Грина 1900-х–1910-х годов*» анализируются портретные описания, маркирующие реалистические и романтические свойства повествования. В ряде ранних реалистических рассказов («Слон и Моська», «Апельсин», «Кирпич и музыка», «Марат», «Горбун», «Ерошка», «Рука» и др.) актуализированы социально-типологические характеристики портретов, одновременно проявлено наращивание сущностных черт портрета, передающих индивидуальные особенности героя. В романтической специфике портретирования предпочтительно изображение внешности с исключительными чертами, даны акценты на яркую характерную деталь, передающую нетривиальность («Штурман “Четырех ветров”», «Пролив бурь» и др.), показаны сиюминутные изменения («Мат в три хода», «Она»; «Человек, который плачет», 1908; «Воздушный корабль», «Дача Большого Озера», «Маньяк» и др.) В ряде рассказов портрет модифицирован в виде оживающей живописи («Пролив бурь»; «Далекий путь», 1913; «Искатель приключений», «Клубный арап»), в поздние годы – двигающейся статуи или статуэтки («Убийство в Кунст-Фише», 1922; «Бегущая по волнам», 1926).

В подпараграфе 3.3.2. «*Функции, средства создания словесного портрета*» описаны изобразительные приемы, примененные Грином для выразительности портретов, в том числе многообразие лексики с ее номинативными, ассоциативными и коннотативными значениями⁵¹, приведены повторы лексем, аллитерации, синекдохи, метафоры, сравнения, характеристики зооморфного, физиологического содержания. В ряде рассказов использован прием отраже-

---

⁵¹ Например, активны адвербиальные словосочетания («страшно толст», «непомерно широко» и др. I, 58), используются зооморфные определения («собачий затылок Миллера» и др. I, 58), повторы («“Убивец!” – вдруг подумал Моська» I, 58; «“Убивец!” – думал Моська» I, 63; «...убивец! Убивец ведь ты!» I, 67), используется сгущение лексики одного эмоционального смысла («маленького роста, и поэтому ноги его, толстые, короткие обрубки... » I, 57; «Маленький подбородок, утонувший в толстых складках шеи <...> бабье выражение». I, 58) и т.д. Один из предпочтительных приемов – концентрация в небольшом фрагменте лексики со сходным значением; например, в «Горбуне» она занимает одиннадцать строк («желтые мешочки орбит», «жидкие волосы», «большие торчащие уши», «тяжелый угловатый горб» и т.д. I, 132).

ния в зеркале как инструмент самопознания и самоанализа героя («Апельсины», «Рассказ Бирка» и др.), усилена степень психологизированного повествования за счет субъективного созерцания, акцента на восприятие портретных деталей («Она»; «Воздушный корабль»; «Слова», 1911 и др.). В композиции рассказов портрет занимает априорное (предопределяющее, предсказывающее развитие сюжета) место («Дача Большого Озера», «Маленький заговор», «Гостиница Вечерних Огней», «Желтый город», «Убийство в рыбной лавке» и др.)

В «**Заключении**» представлены итоги исследования. Рассмотренные рассказы 1900-х–1910-х годов свидетельствуют об изменении повествовательной стратегии Грина от традиционного реализма к сочетанию в одном тексте реалистических, романтических, модернистских черт и созданию произведений романтического характера, в содержательном отношении отвечающих неоромантизму. Большинство рассказов являют пример психологического нарратива. В ряде рассказов проявилось целенаправленное наращивание художественного инструментария, овладение изобразительным опытом предшественников, что в итоге определило приоритетные средства сюжетосложения, создания психологических портретов, пейзажей, в целом сформировало индивидуальный стиль прозы Грина.

*

Основные положения исследования отражены в 4 статьях, опубликованных в рецензируемых журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. *Чжан Жуй, Солнцева Н.М.* Функциональность акустических образов в ранней прозе А. Грина // Rhema. Рема. 2020. № 2. С. 9–17. (импакт-фактор: 0.281)
2. *Чжан Жуй.* Этико-психологический фактор в армейской прозе А. Куприна и А. Грина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Том 31, Выпуск 5. С. 1099–1104. (импакт-фактор: 0.177)

3. *Чжан Жуй*. Когнитивные искажения как предмет изображения в малой прозе А. Грина: «Рассказ Бирка» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 5. С. 119–122. (импакт-фактор: 0.211)

4. *Чжан Жуй*. Художественные функции пейзажа в ранней прозе А. Грина («Остров Рено») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Том 13, Выпуск 4. С.123–128. (импакт-фактор: 0.291)

В других научных изданиях:

5. *Чжан Жуй*. Рассказы А. Грина: солдатчина в этико-психологическом освещении // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения). Материалы VII Международной научной конференции. Москва, 17–19 декабря 2020 г. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 302–304.